

С. В. Ильясова
Ростов-на-Дону, Россия

КРЫМЕЦ УКРАИНЕ, ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию политического словотворчества — феномену, в котором способы, приемы языковой игры подчинены созданию аксиологических коннотаций. Возрастающая роль языковой игры в современной политической речи отвечает ее установке на выразительность.

Материалом исследования послужил язык современных российских СМИ. Для словотворчества в СМИ характерны несомненно преобладание индивидуального начала, находящее выражение в броскости, в эпатажности, а также подчеркнутое стремление к выполнению оценочной функции. Основной целью исследования было определить возможности словотворчества в политическом дискурсе. Для достижения поставленной цели были выбраны инновации, мотивированные ключевыми словами нашего времени — «Украина», «майдан», «Крым».

Выбранный материал позволил решить основные задачи: показать, как самые острые темы могут быть поданы в неожиданном — игровом — ракурсе, как самые резкие оценки могут быть даны творчески, с выдумкой. Подробно характеризуются способы создания новых номинаций и связанные с ними тенденции дискурса СМИ (например, в роли производящих в современном словотворчестве активно выступают не только нарицательные, но и собственные существительные, осваиваются графические способы словообразования, например, дефисация).

Для решения поставленных задач в работе наряду с описательным методом были использованы методы контекстуального анализа, сопоставительного и словообразовательного анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык российских СМИ; оценочность; языковая игра; словотворчество; инновация; ключевые слова; эпатаж.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ильясова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344090, г. Ростов-на-Дону, ул. Рихарда Зорге, 28, корп. 4А, к. 103; e-mail: ilyasova_rnd@mail.ru.

В получившем широкую известность учебном пособии «Политическая лингвистика» А. П. Чудинов отмечает «все возрастающую выразительность современной политической речи» [Чудинов 2007: 106], одним из способов создания которой является языковая игра.

Самой распространенной разновидностью языковой игры (далее — ЯИ) является словотворчество — «процесс создания новых слов национального языка, пополнение словаря национального языка новыми словами, создаваемыми носителями языка с применением различных нормативных и индивидуальных средств словообразования» [Русский язык 1997: 509].

Это довольно широкое понимание словотворчества, безусловно, нуждается в корректировке для разных функциональных стилей и речевых формаций. Применительно к материалу нашего исследования — языку современных российских СМИ — необходимо выделить следующее: 1) несомненное преобладание индивидуального начала, находящее выражение в броскости, эпатажности, в переходе словотворчества в *словоерничество*; 2) подчеркнутое стремление к выполнению оценочной функции. Все вместе позволяет охарактеризовать словотворчество в языке СМИ как *политическое словотворчество*.

Для доказательства выдвинутых положений мы обратимся к анализу двух тематически связанных групп инноваций.

В первую группу вошли новые слова украинской тематики и проблематики. Мотивирующими здесь часто выступают антропонимы, топонимы.

События, происходящие на Украине, достаточно долгое время находятся в фокусе общественного внимания, ср.: *Киевщина и Вашингтонщина* (Версия. 2004. № 42). Как известно, оценочность новообразования может создаваться разными способами, в данном случае для выражения негативной оценки используются «маркированные суффиксы» [Петрова, Рацибурская 2011: 66]. Эти же суффиксы «привлечены» для создания отрицательной коннотации и в следующем примере: *По сравнению с „timoшенковщиной“ „януковщина“ — это легкое потрепывание по затылку* (КП. 09.02.2010).

События, связанные с именем бывшего премьер-министра, а затем президента Украины В. Януковича, получили оценку и в трансформации прецедентного феномена, ср.: *Даже если бы „партизанский, януковский собирал бы он отряд“* (КП. 28.02.2014). Аллюзия очевидна, так как содержание песни «Смуглянка» относится ко времени Гражданской войны.

Полагаем, что нельзя оставить без внимания и следующий пример обыгрывания имен собственных: *Мавродизация Донбасса* (Версия. 2015. № 35). Антропоним *Мавроди* относится к числу имен собственных, которые то уходят в пассивный запас, то снова актуализируются, в том числе средствами ЯИ, ср.: *Тема номера... плюс мавродизация всей страны* (Огонек. 1994. № 40); *Что собой представляют и что проделывают все эти годы... за спинами своих „мавродистых“ мужчин* (КП. 07.02.2003); *Мавроди-на в безопасности* (Версия. 2012. № 13).

Приведенный заголовок *Мавродизация Донбасса* правильнее выглядел бы так: *МММавродизация Донбасса*, так как он предваряет статью, в которой идет речь о создании в ДНР новой партии — *МММ* — аббревиатуры, устойчиво ассоциирующейся с фамилией С. Мавроди, ср.: *МММавродизация бесконечна* (АиФ. 1997. № 10).

Скажем несколько слов о модели на *-изация*. Ее активизация относится к концу XX в., когда, по мнению Е. А. Земской, все социально значимые процессы стали активно именоваться «существительными на *-изация*» [Земская 1996: 79]. Добавим, что в роли производящих в современном словотворчестве активно выступают не только нарицательные, но и собственные существительные, что придает инновациям ярко выраженный игровой, а в языке СМИ, как правило, оценочный характер, что усиливается включением в структуру заголовка местоимения *весь*, например: *Насчет пути-низиации всей страны* (КП. 26.03.2005).

Активно обыгрывается в современных СМИ и топоним *Украина*, ср.: *Укр-руина?* (Версия. 2015. № 48); *Украскол* (Версия. 2015. № 42). Ассоциация событий, происходящих на Украине, с разрушением находит выражение в первом случае в соединении двух игровых приемов — контаминации и дефисации. По своему механизму они противоположны: контаминация направлена на наложение смыслов, дефисация — на разложение (ср. *шах-и-маты*), что в целом рождает мощнейший экспрессивный эффект.

По-своему интересна и вторая инновация, созданная путем сложения.

Позволим себе дать развернутый анализ инновации *Укрогейт* (Версия. 2015. № 8). Подробный анализ использованного здесь строительного элемента словообразования представлен в известной работе В. Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи». Автор подробно рассматривает становление его как суффикса: английское слово *Watergate* (букв. «Водяные ворота»), в состав которого и входит *gate*, стало «нарицательным наименованием шумного политического скандала» [Костомаров 1999: 238]. Формант *-гейт*, подобно другим иноязычным формантам, вычленяется из сложного слова и начинает функционировать в русском языке как самостоятельный элемент, становясь одним из продуктивных суффиксов, с легкостью образуя производные как от нарицательных, так и от собственных существительных, напр.: *Сноуденгейт* (АиФ. 2014. № 23); *Чайкагейт* (Версия. 2015. № 48); *По ком ударил „Панамагейт“* (АиФ. 2016. № 15); *Мельдонийгейт* (Версия. 2016. № 10).

Полагаем, что будет уместным рассмотреть и следующий пример употребления топонима *Украина: Деолигархизация Украины* (АиФ. 2015. № 14). Добавление к уже рассмотренной модели на *-изация* префикса *де-* позволяет выразить противоположное значение — «лишение того, что названо производящей основой», а именно: власти олигархов (в данном случае — Коломойского). Слово *олигарх*, на наш взгляд, заслуживает специального анализа. Будучи давним заимствованием из греческого языка, оно до недавнего времени обозначало реалию «западного» мира, ср.: «**Олигарх**, а, м. 1. Представитель олигархии (в первом значении). 2. Об империалисте, представителе монополистического капитала» [Ожегов 1973: 411]. Заметим, что в толковании присутствует оценка, создаваемая путем подбора синонима с явно отрицательной коннотацией — *империалист*.

Актуализация этого слова относится к началу XXI в. Включение слова в словарь актуальной лексики свидетельствует о том, что обозначаемая им реалья перестала быть чужеродной, ср.: «**Олигарх**, а, м. Публ. Представитель крупного монополизированного капитала» [Толковый словарь современного русского языка 2001: 530].

Актуальность слова *олигарх* подтверждается многочисленными примерами его обыгрывания. Спектр ЯИ необычайно широк: это и игра с прецедентным феноменом — названием работы В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», ср.: *Роман Абрамович как зеркало российского олигархизма* (КП. 23.09.2003), и контаминация *олигарх + френд: А какие сейчас отношения с Борисом Березовским — „олигофрендом“, как вы сами его назвали* (Версия. 2004. № 30), и шутовское имя собственное: *В итоге в интернете появились первые снимки младшего сына: олигарха олигарховича* (КП. 17.12.2010), и разнообразные инновации-сложения, ср.: *Олигархотром* (Версия. 2015. № 35); *Тайнолигархи* (Версия. 2015. № 40); *Олигархоснос* (Версия. 2016. № 7).

Логичным продолжением анализа актуализированной лексики в политической коммуникации будет обращение к анализу инноваций, производящей основой для которых послужило ключевое слово *майдан* со следующей этимологией: «площадь, место сходок» [Фасмер 1986: 559]. В Словаре С. И. Ожегова *майдан* трактуется как «базар, базарная площадь» [Ожегов 1973: 307].

Постоянно мелькающее на страницах СМИ слово *майдан* и производные от него связаны с топонимом *Майдан Незалежности* — центральной площадью Киева, которая и превратилась в место сходок, место протестных вы-

ступлений. ЯИ с этим словом, безусловно, имеет лавинообразный характер, слово *майдан* стало вершиной гнезда, где представлены инновации разной частеречной принадлежности. Это отыменные префиксальные глаголы, ср.: *Виктор Янукович выглядит явным победителем: дождал Ющенко, „перемайданил“ ненавистную Тимошенко и уселся-таки в премьерское кресло* (КП. 04.08.2006); *Замайданили!* (АиФ. 2007. № 40); *Как промайданить страну* (Версия. 2014. № 45).

В гнездо входят экспрессивные причастные формы, ср.: *Но первое, что сделала майданутая власть — запретила русский язык* (КП. 08.15.05.2014); *Майданутая Москва* (Известия. 29.01.2014); *Список тех, кто в спешном порядке перебрался из майданящей Украины в нашу страну, впечатляет* (Версия. 2014. № 39).

Здесь можно увидеть прилагательные, например: *...из-за царящего в стране послемайданного беспорядка купить украинские права ничего не стоит* (Версия. 2016. № 19).

Наибольшим интерес с точки зрения словотворчества, ЯИ представляют, безусловно, существительные, образованные путем сложения, ср.: *Синемайдан* (Известия. 05.11.2014); *Электромайдан* (Версия. 2015. № 25); контаминации, ср.: *Майданатовцы* (КП. 07.03.2014); *Данко или Майданко?* (АиФ. 2015. № 4), создания слова по образцу («предсказамус-прием»), ср.: *Еврометания страны Майдании* (АиФ. 2014. 36).

Последний заголовок интересен также и тем, что в нем употреблены две инновации, причем инновация *еврометания* не менее интересна, чем *Майдания*. Дело в том, что первая часть сложного существительного *еврометания* может быть истолкована двояко: и как *евро* в значении «единая европейская валюта; единица единой денежной системы на территории 12 стран Европы» [Толковый словарь русского языка начала XXI века 2006: 333], и как *евро-* в значении *европейский*, например: «**ЕВРОВИДЕНИЕ**, я, ср. Организация, объединяющая телевидение стран Западной Европы <...> **Евро** ... (видение) + **телевидение**» [Словарь новых слов 1995: 217]. Компонент *евро* очень популярен при создании инноваций в современных СМИ, порой очень неожиданных, ср.: *Европопа* (Версия. 2011. № 47); *Еврофлюс* (Версия. 2015. № 10); *Еврохалифат* (Версия. 2015. № 36).

Полагаем, что исследование современного политического словотворчества невозможно без обращения к теме Крыма. Прежде чем привести примеры разнообразных игр с этим топонимом, заметим, что задолго до присоединения Крыма к России в печати стали появляться инновации, мотивирован-

ные этим топонимом, ср.: *ЗаКРЫМа бывшей родины* (АиФ. 2004. №29); *Крымлевские разборки* (Версия. 2006. № 23); *Криминальные разборки* (Известия. 22.07.2008); *Криминальное чтиво* (Версия. 2009. № 29); *Криминал* (Версия. 2010. № 36).

Как видим, инновации редко имели нейтральный характер. Как правило, происходящее в Крыму ассоциировалось с криминалом, что рождает каламбур подчеркнуто оценочного характера — *криминальный*, который сохраняет свою актуальность и в настоящее время, ср.: *Криминальный арсенал* (Версия. 2015. № 38).

Позднее игра с этим топонимом становится разнообразнее, например, используется контаминирование, ср.: *КРЫМсота поамерикански* (КП. 05.02.2014).

Присоединение Крыма к России вызывает взрыв словотворчества, переходящего в словоерничество, ср.: *Крымздец* (Версия. 2015. № 15); *Крымец Украине* (Версия. 2015. № 40); *Крымоза ностра* (Версия. 2016. № 6).

Так, суффикс *-ец*, безусловно, относится к «маркированным суффиксам». Наряду с жаргонной лексикой подобные суффиксы являются вербальным проявлением «речевой агрессии» [Петрова, Рацибурская 2011: 54]. Но в языке современных СМИ инновации с суффиксом *-ец* чувствуют себя весьма вольготно, порой появляются самые причудливые сочетания основы и аффикса (во многих случаях с концовкой *-здец* можно усматривать не суффиксацию, а контаминацию с суффиксальной обценной лексемой), ср.: *Полный Джигурдец* (КП. 27.02.2011 — от *Н. Джигурда*); *Полный криздец* (АиФ. 2011. № 51 — от *кризис*); *Полный рецессец* (АиФ. 2013. № 29 — от *рецессия*).

Примером стеба может служить также и заголовок *Крымоза ностра* — трансформация названия *Cosa nostra*, что, впрочем, согласуется с упоминавшейся ранее оценочной контаминацией *криминальный*.

Нельзя оставить без внимания и трансформацию известного хеш-тега *КРЫМНАШ*, единицы, которая «вошла в актуальный словарь 2014 г.» [Иссерс 2015: 26], ср.: *Крым — их* (Версия. 2016. № 13). Объяснение такой трансформации дано в подзаголовке: *Как и два года назад, полуостров принадлежит киевским воротилам* (Версия. 2016. 313).

Модель становится продуктивной, порождает инновации, ср.: *ПРИБАЛТИКАНАШ!* (Версия. 2015. № 25); *ГВИНЕЯНАШ! КУВЕЙТНАШ!* (Версия. 2015. № 42). Уточним, что эта модель все-таки сложилась раньше, так как сначала в средствах массовой информации начало «гулять» новообразование *ШПИОННАШ*, напр.: *ШПИОННАШ* (Вер-

сия. 2013. № 9), но продуктивность приобрела благодаря инновации *КРЫМНАШ*.

Вынесенный в заголовок пример словотворчества *КРЫМЕЦ УКРАИНЕ* стал отправной точкой для исследования такого феномена, как *политическое словотворчество*, в языке современных российских СМИ. С одной стороны, этот феномен полностью отвечает задаче креативности — создания слов с установкой на языковую игру, которая, правда, порой принимает эпатажные формы в погоне за броскостью, рекламностью. С другой стороны, этот феномен направлен на оценку реалий, которые обозначают инновации.

Спектр оценки, так же как и спектр словотворчества, языковой игры, широк, что и делает исследование политического словотворчества очень привлекательным для лингвиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Лингвокультурный шок и лингвистический юмор в контексте рекламного дискурса // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 17—21.
2. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47—51.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996.

S. V. Il'yasova
Rostov-on-Don, Russia

«CRIMEC» FOR UKRAINE, OR POLITICAL WORD CREATION

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of political word creation – the phenomenon, in which the ways and methods of word play aim at creation of axiological connotations. The growing role of word play in contemporary political speech reflects its goal of being expressive. The material for research is the language of contemporary Russian mass media. Word creation in mass media is characterized by prevailing of the individuality, which manifests itself in showiness, epatage and the strive for evaluation. The main goal of the research is to find out the possibilities of word creation in politics. To reach this goal the author chose innovations motivated by the key words “Ukraine”, “Maidan” and “Crimea”. The material of research made it possible to reach the main goal: to show that the most urgent topics may be introduced in an unexpected, playful manner; the most critical remarks may be expressed in creative manner. The ways of creation of new nominations and the tendencies of mass media discourse (for example proper names are very often used in word creation as well as graphic means of word creation) are described in detail. The descriptive method, the methods of contextual, comparative and word formation analyses were used in the research.*

KEYWORDS: *language of the Russian mass media; evaluation; word play; word creation; innovation; keywords; epatage.*

ABOUT THE AUTHOR: *Il'yasova Svetlana Vasilievna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language for Foreign Students of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

REFERENCES

1. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Lingvokul'turnyy shok i lingvisticheskiy yumor v kontekste reklamnogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2. S. 17—21.
2. Gridina T. A. Yazykovaya igra v zhanre politicheskogo prikola // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 47—51.
3. Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 1996.
4. Enina L. V., Zubova L. V. Politicheskie figury na pole komicheskogo v massmedia: smeshnye i ser'eznye // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 77—81.
5. Zemskaya E. A. Aktivnye protsessy sovremennogo slovo-proizvodstva // Russkiy yazyk kontsa KhKh stoletiya (1985—1995). — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. S. 90—142.
6. Issers O. S. Ot ser'eznogo — do smeshnogo: igrovoy potentsial rossiy-skogo slova goda // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 25—32.
7. Kostomarov V. G. Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media. Izd. 3-e, ispr. i dop. — SPb. : Zlatoust, 1999.

4. Enina L. V., Zubova L. V. Politicheskie figury na pole komicheskogo v massmedia: smeshnye i ser'eznye // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 77—81.
5. Zemskaya E. A. Aktivnye protsessy sovremennogo slovo-proizvodstva // Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985—1995). — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. S. 90—142.
6. Issers O. S. Ot ser'eznogo — do smeshnogo: igrovoy potentsial rossiy-skogo slova goda // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 25—32.
7. Kostomarov V. G. Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media. Izd. 3-e, ispr. i dop. — SPb. : Zlatoust, 1999.
8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1973.
9. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2011.
10. Ruzhentseva N. B., Shustrova E. V., Voroshilova M. B. Yumor i ironiya v politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. 253 s.
11. Russkiy yazyk : entsikl. / gl. red. Yu. N. Karaulov. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Bol'shaya russkaya entsiklopediya : Drofa, 1997.
12. Slovar' novykh slov russkogo yazyka (seredina 50-x—seredina 80-x godov). — SPb. : Dmitriy Bulanin, 1995.
13. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya. — M. : Astrel' : AST, 2001.
14. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika. — M. : Eksmo, 2006.
15. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2. — M. : Progress, 1986.
16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.